

Блогселлер Options



За кулисами
Apple,

или
Тайная жизнь
Стива Джобса

Бизнес-роман

Стив Джобс
Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

За кулисами Apple, іЛИ Тайная жизнь Стива Джобса

Автор Неизвестен Вымышленный Стив Джобс

Эта нашумевшая книга представляет собой захватывающий бизнес-роман, события которого происходят в Силиконовой долине, Голливуде и Вашингтоне и описываются с точки зрения главного героя — исполнительного директора компании «Apple», благополучно обитающего в точке пересечения этих трех миров.

Вымышленный Стив Джобс (в миру Дэниэл Лайонс) — главный редактор журнала «Forbes», писатель. Лауреат двух самых престижных национальных премий в области художественной литературы и премии журнала «Playboy» за лучшее произведение в жанре фантастики. По итогам конкурса, объявленного изданием «Granta» в 1996 году, был назван лучшим молодым романистом Америки. Его суперпопулярный интернет-блог «Секретный дневник Стива Джобса» (fakesteve.blogspot.com) послужил основой для написания этой книги. Среди постоянных посетителей блога были замечены Билл Гейтс и настоящий Стив Джобс, который отозвался об этом ресурсе как о «довольно прикольном».

За кулисами Apple, іЛИ Тайная жизнь Стива Джобса

Бизнес-роман от вымышленного Стива Джобса

Хотя эта книга отчасти основана на реальных событиях и в ней упоминаются действительно существующие люди, она, большей частью, включает в себя диалоги, мысли и взаимоотношения персонажей, которые являются плодом воображения автора и придуманы лишь из пародийных соображений.

Порой я чувствую себя как великий кулинар

*Порой я чувствую себя как великий кулинар,
который всю свою жизнь посвятил
скрупулезному изучению искусства
приготовления пищи,
собрал самые изысканные ингредиенты,
построил кухню по последнему слову техники,
приготовил неслыханные деликатесы,
превосходящие по своему совершенному вкусу
всё, когда-либо созданное ранее,
и который стоит у окна, наблюдая,
как девяносто семь процентов населения мира
проходят мимо его ресторана
и отправляются в «Макдональдс»
на другой стороне улицы.*

Ненастоящий Стив Джобс

Пролог

Обычные люди, должно быть, считают, что мне очень хорошо живется. Я один из самых богатых людей в мире, меня повсюду превозносят как наиболее блестящего предпринимателя всех времен. Я строен и красив. У меня коротко подстриженные волосы и борода с проседью, как у Шона Коннери. И я знаменит. Знаменит, как журнал «People». Где бы я ни оказался, люди узнают меня и тянутся ко мне. И знаете что? Мне это нравится. Я никогда не устаю от этого. Если и есть что-то в мире, чего я терпеть не могу, так это придурки типа Бритни Спирс, которые уверяют, что не хотели бы быть такими известными. Да бросьте трепаться! Если вы действительно этого хотите, то раздайте все свои деньги, переведите их на счет организаций, занимающихся защитой детей (давайте взглянем правде в глаза, именно там они на самом деле и должны быть), и переселитесь из роскошных коттеджей в какую-нибудь хижину в Тибете. Как вам это предложение? Не нравится? Ну, тогда заткнитесь.

Но главное то, что я знаменит не как какой-нибудь актер из боевиков, накачанный стероидами, или безграмотный рэпер, который чешет яйца на сцене, или слабоумный баскетболист, который может похвастаться разве что своим непомерным ростом. Я знаменит, потому что я — гений, управляющий самой крутой в мире компанией по производству электроники. И все это я начал в своем гараже, своими руками. Справедливости ради надо сказать, что со мной тогда был еще один парень, ^[1] но его в последнее время что-то нигде не видно, поэтому он не в счет. Я знаменит, потому что изделия, которые я создаю, сродни произведениям искусства. Они имеют настолько элегантный дизайн, что им место в музее. Мои компьютеры iMac и пакет программного обеспечения iLife пробуждают в людях поистине детское чувство восторга, а те, кто приобрел их, считают себя умнее и лучше, чем все окружающие. Кроме того, я изобрел этот чертов iPod. Слышали про такой?

Люди постоянно спрашивают, что мною движет. Отнюдь не деньги. У меня их и так уже слишком много. Настолько много, что я и не помню, сколько их. Вообще-то деньги меня никогда особо не волновали. Чтобы доказать это, я могу потереться стодолларовой купюрой. Однажды я действительно так и сделал.

Итак, подведем итог: я красив, знаменит и талантлив. И подтираю задницу деньгами. Неудивительно, что люди мне завидуют. Я их вполне понимаю. Я бы себе тоже завидовал. Единственное, чего большинство людей не в состоянии понять, — это то, что жизнь у Джобса не всегда так хороша. Я очень много работаю. Я слишком мало сплю. У меня редко бывают выходные дни. Скажу вам откровенно: жизнь у меня трудная. Примерно то же самое говорит и Боно, когда порой мы проводим с ним свободное время: «Люди думают, что жизнь рок-звезды — это сплошной секс, наркотики и веселье. Но это на самом деле такая мясорубка!»

Самое неприятное в богатстве и успехе — это то, что люди начинают завидовать и пытаются смешать тебя с грязью. В моем случае речь идет о самом завистливом засранце, которого только можно себе представить. Это окружной прокурор Фрэнсис Дойл — толстый и потный тупица, который в один прекрасный день вознамерился вдруг стать губернатором Калифорнии и решил, что самым лучшим трамплином для карьеры станет судебный процесс против известного главы крупной компании. А почему бы и нет, в самом

деле? Элиот Спитцер разыгрывал тот же сценарий, выдвинув обвинения против высокопоставленных дельцов с Уолл-стрит, а теперь он губернатор штата Нью-Йорк.

Итак, Дойл и его щедедушный подельник, молодой адвокат Уильям Пук (я не шучу, это его настоящая фамилия), решили затоптать Эль Джобсо. Они уселись в своем вонючем офисе в Сан-Франциско, и начали давить клавиши своих ноутбуков с поганой операционной системой от «Microsoft», рисуя схемы и вырабатывая стратегии. Они без усталости звонили в Комиссию по ценным бумагам и биржевой деятельности и организовывали утечки информации в прессу. Мы звали их Толстяк и Робин или инспектор Клузо и Като.

Я не был их единственной мишенью. Эти идиоты объявили охоту на целый десяток компаний в Силиконовой долине. Они состряпали сказку про алчных бизнесменов, набивающих свои карманы и обманывающих инвесторов, и, разумеется, простофили из СМИ клюнули на эту историю и дали ей огласку. Я должен вам сказать, что самая подходящая аудитория для рассказов о злых богатых людях — это нищие журналисты. Эти злобные и желчные неудачники, страдающие комплексом неполноценности, всю жизнь только и делают, что завидуют и обливают грязью. Их должностная инструкция гласит: «Возьми интервью у человека, который богаче, успешнее и интереснее тебя, а потом жидко обгадь его в своей статье». Это паразиты, настоящие пиявки. Чтобы хоть как-то приглушить угрызения совести от собственной работы, эти ублюдки убеждают себя, будто спасают мир, разоблачая богатых, преуспевающих и интересных людей и выставляя их мошенниками. Просто курам на смех. Ну, да бог с ними.

Вы, вне всякого сомнения, слышали о том, что со мной случилось. Вы читали статьи о грандиозном скандале в компании «Apple». Но в действительности вы знаете только одну сторону этой истории. Вы слышали искаженную версию, основанную на утечках информации и лжи, сфабрикованных данных и выдумках следователей, правительственных клерков и досужих журналистов. Теперь моя очередь. И, поверьте, моя ложь, фабрикация и выдумки покажутся вам куда более убедительными.

Часть I

Неприятности в стране Джобса

Вторая половина дня, вторник. Я сижу босиком на диванной подушке в позе лотоса, уставившись на монтажную плату для телефона. Эта плата, размером не больше игровой карты, — самая важная вещь, которую когда-либо создавали мои инженеры. И она никуда не годится. Я даже не знаю, почему у меня такое ощущение. Но она действительно никуда не годится. И дело не в том, что она плохо работает. Работает-то она как раз прекрасно. Но ей не хватает красоты. Инженеры спорят, что плате и не обязательно быть красивой, потому что ее никто никогда не увидит.

«Все это так, — говорю я. — Но я-то знаю, что она находится внутри телефона. И я знаю, что она некрасивая».

Именно поэтому я и пришел в комнату для медитации. В ней нет окон, она выкрашена в белый цвет, и в ней царит абсолютная тишина. Я концентрируюсь на своем дыхании. Неподвижно смотрю на плату. Прогоняю из мозга все отвлекающие моменты. Постепенно, словно слепой, наощупь бредущий по коридору, я нахожу путь к центру покоя и полной пустоты.

Я уже почти добрался до него, но в это время слышен стук в дверь. Сначала я просто не верю своим ушам и игнорирую его. Стук повторяется, но на этот раз открывается дверь. Я поворачиваюсь. Это Пол Дузен и Соня Берн, оба с хмурыми лицами.

— Прошу прощения, — говорит Соня.

Она возглавляет юридический департамент. Это костлявая особа с крючковатым носом, вечно взвинченная и чем-то обеспокоенная.

Она прекрасно осведомлена о политике нашей компании, твердо предписывающей, кто и при каких обстоятельствах имеет право со мной говорить. У нас имеется три степени доступа ко мне в зависимости от занимаемого положения. Самые высокопоставленные руководители могут обращаться ко мне по предварительному согласованию. Работники среднего уровня говорят со мной лишь в том случае, если я сам первый заговариваю с ними. А те, кто находятся на низшем уровне, вообще не имеют права говорить со мной. Я могу их уволить за попытку заговорить со мной или даже за то, что они разговаривают с другими людьми в моем присутствии. Руководители, обладающие правом обращаться ко мне, знают, что это можно делать только в строго определенное время (одним выделяется больше времени, другим меньше). Расписание можно найти на сервере компании в общей папке. Найти его не составляет труда, а найдя, вы тут же сможете выяснить, есть ли у вас возможность пообщаться со мной в данный момент, и если нет, то когда появится следующая «форточка». В настоящее время я нахожусь в режиме полной недоступности. Никто и никогда в компании не имеет права мешать мне, когда я медитирую, занимаюсь йогой, тай-чи или провожу еженедельное очищение кишечника. И если я говорю «никогда», то это значит — никогда. Если случится землетрясение или пожар, то все должны покинуть здание, а я сам решу, как мне поступать, особенно если у меня кишечник до краев наполнен водой. Дело в том, что я очень беспокоюсь о своем здоровье. Я отношусь к нему с крайней серьезностью.

И все же они здесь. В нарушение всех правил.

— Дело не терпит отлагательства, — говорит Пол, наш главный финансист, — тучный мужчина, пришедший в компанию лишь год назад. Я обычно не беру на работу толстых, просто из принципа. Но у него были рекомендации от очень высокопоставленных людей.

— Здание горит?

— Нет.

— У нас землетрясение?

— Нет, — мотает он головой.

— В вестибюль ворвались террористы с автоматами?

— Что?

Я в бессильном отчаянии поднимаю руки, глубоко вздыхаю и закрываю глаза. Слишком поздно. Я потерял концентрацию. Я прикладываю руки к груди и опираюсь подбородком на кончики пальцев. Этот жест должен означать, что я думаю, хотя на самом деле это далеко не всегда так. В конце концов, я встаю, и мы идем ко мне в кабинет.

— Рассказывайте, — говорю я.

Соня берет слово. Я вижу, как шевелятся ее губы, но до сих пор настолько раздражен из-за их неуместного появления, что не могу понять ни слова. Я слышу лишь какие-то нечленораздельные звуки. Однако постепенно до меня начинает доходить, что каким-то образом где-то случилось что-то ужасное. Она что-то говорит о биржевых опционах, ценах на акции и правительственных контролерах, а также о том, что все компании получили письма с требованием прокомментировать отдельные пункты своих счетов. Или что-то в этом роде.

— И это все? — спрашиваю я.

— Это очень важно, — говорит она.

— Я не сомневаюсь, что это действительно очень важно в вашем причудливом маленьком мире цифр, законов и инструкций, но я *медитировал*. Вы это понимаете? Если от вас требуются какие-то действия, касающиеся цифр, законов и ничтожных людишек, которые занимаются подобными вещами, то идите и делайте то, что положено, но оставьте меня в покое. Я ведь именно для этого держу вас на работе. Разве не так? Это *ваша* задача. А моя задача — создавать прекрасные вещи. Я не могу этим заниматься, если меня отвлекают по пустякам.

Пол открывает свой огромный рот и начинает что-то говорить, но я перебиваю его:

— Пол. Вы когда-нибудь слышали про iPod? Слышали? Хорошо. А теперь скажите мне: вы хотите, чтобы в вашей жизни было больше таких прекрасных творений? Вы хотите, чтобы ваши дети выросли в мире красивых приборов, которые могут делать поразительные вещи? Тогда оставьте меня в покое.

Соня вскакивает и начинает с жаром объяснять, что когда-то давным-давно, еще до изобретения iPod, компания «Apple» выделила мне опционы на сумму в десять миллионов, а я их то ли не продал, то ли не конвертировал в деньги, то ли обменял на какие-то акции или еще что-то. Во всяком случае, у меня создается впечатление, что она говорит именно об этом. Я действительно никогда не задумываюсь о таких вещах, как опционы, или о том, сколько денег в общей сложности принесло мне творчество.

— Соня, — говорю я, — что бы там ни было, делайте все, что считаете нужным, но я не хочу тратить на это ни минуты. Даже слышать об этом не хочу.

Однако, когда я открываю глаза, она все еще стоит здесь. Я поражен. Она пытается внушить мне, что я ее не понял. Речь идет об обвинениях в уголовном преступлении. Она говорит, что когда мы выпускали опционы, то их можно было забирать даром при тогдашней низкой стоимости акций. Поэтому любому владельцу опционов был гарантирован существенный доход. Видимо, в те времена это не нарушало никаких правил, а

если и нарушало, то никому не было до этого дела, но затем какие-то идиоты в Вашингтоне изменили закон из-за скандала в компании «Enron» и собираются наехать на нас.

— Стив, — говорит она, — это серьезно. Комиссия по Ценным бумагам и биржевой деятельности посылает сюда своих юристов, чтобы они покопались в нашей финансовой отчетности. Окружной прокурор тоже уже связывался с нами. Часть из этих опционов, оформленных задним числом, находится в вашем владении. Вы это понимаете?

— Нет, не понимаю. И дело не в том, что я тупой. Если я не окончил колледжа, то это не значит, что со мной можно разговаривать, словно с ребенком. Я мог бы это понять, если бы захотел. Но я не хочу. Поэтому просто спишите нужную сумму с моего счета. Господи, да делайте же что-нибудь. Неужели я за вас должен работать?

— Ну, уплата штрафа — это лишь один из сценариев. — Она в упор смотрит на меня.

— Так что там еще? Выкладывайте.

— Дело в том, что кое-кому грозят судебные процессы, и обвинения достаточно весомы, чтобы наказание не ограничилось лишь штрафом. При определенных условиях речь может идти о тюремном заключении.

После этих слов в кабинете повисает тяжелое молчание. Мне вдруг становится зябко. В кабинете так тихо, что я слышу, как жужжит кондиционер на стене, и у меня в голове крутится мысль: «Матерь Божья, я поубиваю этих недоносков, которые устанавливали кондиционер». Ведь я же специально говорил им, что в кабинете должно быть тихо. Не *спокойно*, а именно *тихо*. Как в склепе. А эта штука на стене жужжит, словно я сижу в самолете на высоте десяти тысяч метров. Как же я могу здесь сосредоточиться? И в таких условиях я должен работать? Я даже собственных мыслей расслышать не могу.

Пол стоит, и пот бисеринками выступает у него на лбу. Грудь все еще тяжело поднимается оттого, что мы прошли по коридору десять минут назад. А может быть, он настолько привык сидеть, что ему и стоять тяжело? Он даже не смотрит в мою сторону, а с большим интересом рассматривает ковер, хотя, истины ради, надо признать, что этот ковер заслуживает внимания. Он исключительно мягкий, выткан вручную тибетскими мастерами, живущими в изгнании в Непале, по узору, который я придумал сам.

Затем я прихожу в себя и говорю:

— Боже, какие же вы идиоты. Если бы вы знали, до чего вы мне осточертели! Вы что, решили устроить мне розыгрыш? Ну, так где же телекамеры? Где сигары с шампанским? Катитесь-ка вы отсюда! Убить вас мало. Я не шучу. Я позвоню Ларри Эллисону, и мы с ним мигом решим все проблемы, а вы лучше побеспокойтесь о своих задницах!

Но они по-прежнему не трогаются с места и смотрят на меня жалобными глазами. Такой взгляд бывает у людей, когда им приходится усыплять свою собаку или навещать в больнице безнадежного больного. Они не хотят идти в эту больницу, смотреть на всю эту ужасную аппаратуру и нюхать застоявшиеся больничные запахи, поэтому им приходится, сжав зубы, стоять у кровати, мило улыбаться и обмениваться ничего не значащими фразами, а потом, выполнив свой долг, они чуть ли не бегом выбегают из больницы, чтобы снова вдохнуть свежего воздуха и ощутить свет солнца на лице. При этом они думают: «Боже, неужели и мне такое суждено?»

Вот так, примерно, они и выглядят. То ли отдают собаку на усыпление, то ли навещают безнадежного больного. А может, и то, и другое сразу.

— Стив, — произносит Соня, — мы вас не разыгрываем. Можете мне поверить. Вы хоть представляете себе, что это значит, когда Комиссия по ценным бумагам собирается

расследовать вашу деятельность?

— Вообще-то даже не догадываюсь. Но позвольте тоже задать вам один вопрос. Вы знакомы с правилом, что мне нельзя мешать во время медитации?

— Я это знаю, — говорит Соня.

— Значит, знаете. Отлично. Тогда я хочу, чтобы вы немедленно покинули этот кабинет, вернулись к себе и написали заявление об увольнении. Договорились? Спасибо.

Они уходят. Я возвращаюсь в комнату для медитации и продолжаю начатое занятие. Уже через десять минут я забываю о том, что вообще о чем-то говорил с ними.

Однако тем же вечером после ужина, когда я делаю упражнения йоги для пищеварения, раздается звонок от Тома Боудитча, нашего крупнейшего держателя акций. Том, помимо всего прочего, еще и член нашего совета директоров. Он объявляет, что в воскресенье состоится экстренное заседание правления для обсуждения ситуации, в которую вовлечена Комиссия по ценным бумагам.

— Вообще-то я предполагал, что надо было заручиться моим согласием, чтобы созывать заседание правления, — говорю я.

В ответ он рычит. Я не шучу. Он действительно рычит, как собака, а затем произносит:

— Попробуй только не явиться, сукин сын, — и вешает трубку.

Я не вполне уверен, но, судя по его тону, произошло действительно что-то серьезное.

— Разумеется, я знаю о расследовании КЦБ, — говорит Ларри Эллисон. — Объявлена охота на ведьм. Сто компаний получили такие письма.

Мы находимся в его японском дворце в Вудсайде и прогуливаемся по тщательно ухоженной гравийной тропинке вдоль искусственного пруда, лежащего посреди японского сада. На нас классические черные кимоно для чайной церемонии и деревянные сандалии. В деревьях пересвистываются птицы. Это специально выведенные крошечные птички для деревьев бонсай. Ларри привозит их из Японии. Они не улетают, потому что только здесь могут получить специальный японский птичий корм.

— Окружной прокурор решил баллотироваться в губернаторы, а эти прихвостни из КЦБ тут же смекнули и подключились. Это пигмеи, Стив. Они тратят все свои сбережения, чтобы выучиться на юристов, а потом получают сто пятьдесят тысяч в год и не могут позволить себе купить дом на побережье. А тем временем какие-то инженеры с синдромом Аспергера у них на глазах разъезжают на «Феррари». За это они возлагают всю вину на таких, как мы с тобой. Ведь это мы совершаем тяжкий грех, создавая рабочие места и давая людям разбогатеть. Из-за нас в долине нет прохода от проклятых миллионеров, и юристы нас за это ненавидят. И знаешь что? Я их понимаю. Вот взгляни на нас. Еще только четверг, а мы уже вырядились, как японские самураи к чайной церемонии. Я бы нас тоже ненавидел.

Вот в этом мы с Ларри не сходимся. Я согласен, что люди нас ненавидят, но не считаю эту ненависть оправданной. Хотя, с другой стороны, Ларри очень неуверенный в себе человек. Он слишком деликатен. Его компания «Oracle» находится в бизнесе уже тридцать лет, и за это время разработанное им программное обеспечение сделало для усовершенствования мира намного больше, чем любой другой известный мне продукт. Кроме того, «Oracle» обогатила всех работавших с этой компанией партнеров и никогда не ставила им палок в колеса. По отношению к своим клиентам она проявляет заботу и уважение.

Конечно, Ларри уже не трудится по восемнадцать часов в сутки, как раньше. Но зато он тратит массу времени на организацию кухонь для бедных, устройство приютов для бездомных животных и поиск приемных семей для обездоленных детей, родившихся у наркоманов. Однако не ищите упоминаний об этом в печати.

Никто не знает, что Ларри подбирает бродячих кошек и собак и дает им приют в своем поместье в Вудсайде. Никто не знает о его филантропической деятельности. Он просто появляется в кухне для бедняков, разливает суп по тарелкам и исчезает. Он не стремится к славе. Она ему не нужна. На него снизошла хорошая карма. Он мультимиллиардер, одиннадцатый среди самых богатых людей мира. Ну и, конечно, деньги — это все, что интересует газетчиков. Им просто доставляет удовольствие низводить людей до уровня карикатуры.

У меня совсем другой случай. Во-первых, в списке самых богатых людей я занимаю всего сто тридцать второе место. Но мое богатство абсолютно заслужено. Назовите мне хоть одного человека за последние сто лет, который внес бы больший вклад в жизнь мира, чем я. Вы понимаете, что я имею в виду?

Мы не спеша идем по отлогому берегу пруда, любуясь экзотическими рыбками. И тут Ларри начинает рассказывать мне какую-то древнюю японскую легенду о знаменитом полководце. Он был выдающимся и талантливым лидером, но его владения были разрушены

из-за какого-то единственного крошечного недостатка. Ларри тараторит без передышки до тех пор, пока я не останавливаю его:

— Ларри, ради Будды, может быть, ты перейдешь к сути дела?

— А суть в том, — говорит он, — что все обвинения, возможно, и беспочвенны, но это не меняет дела. Это только пробный шар. Против нас выступает крупная банда подонков, а ты — наше основное звено. Ты сидишь в центре, открытый для обстрела со всех сторон.

— Знаешь, Ларри, что я в тебе люблю? Ты всегда умеешь подбодрить.

— Все из-за юристов. В них все зло. Это кровопийцы, настоящие паразиты. Мы создаем богатство, а они подбирают крохи с нашего стола. Стоит им только увидеть, что у нас завелись деньги, как они говорят: «Отлично, давайте создадим какой-нибудь закон, чтобы прижать их к ногтю. Изобретем такие правила финансового учета, чтобы в них сам черт ногу сломал. А потом подмажем какого-нибудь конгрессмена, чтобы он протаскал закон, и эти богатые ублюдки у нас еще попляшут». В этом-то и вся суть. Ты платишь деньги, чтобы уладить дела, а юристы их делят между собой. И они все заодно: и те, кто выступает на стороне истца, и наши собственные адвокаты. Это то же самое, как если бы они приставили тебе ствол к голове и ограбили в темном переулке. Чистый грабеж, ни дать, ни взять. Хочешь ты этого или нет, а конец всегда один — ты выписываешь громадный чек, а эти подонки набрасываются на него, словно стая гиен, обгладывающих оленя до самого скелета.

— Слушай, насколько я знаю, гиены оленей не едят. Мне кажется, оленей вообще нет в Австралии, или где там водятся эти гиены.

— Неважно. Главное, что нам так или иначе приходится иметь дело с этим дерьмом. Если бы мы жили в феодальной Японии, то у нас под ружьем была бы своя армия. Мы бы миглом приструнили этих подонков из КЦБ, прошлись бы каленой кочергой по их задницам. Ведь с ними только так и надо. Неужели общество не в состоянии признать, что люди, способные сколотить громадные состояния, своей жизнью доказали собственное превосходство и право командовать?

— Должен признать, что в твоих устах это звучит убедительно.

— Еще бы. Но у меня для тебя есть еще плохие новости. У тебя сидит подсадной человек. Об этом вся Долина только и толкует. Все знают, что ты получил письмо. Это для твоего сведения. Тебе также следует знать, что многие этому рады. По-настоящему рады. Я даже и представить себе не мог, сколько людей здесь тебя ненавидят. Да еще как ненавидят!

— Приятно слышать.

— Не столько приятно, сколько полезно, — говорит Ларри. — Это значит, что твоя жизнь прошла не напрасно. Ты что, хочешь, чтобы тебя запомнили хорошим парнем? Которого все любят? Нет уж, извольте. Ты человек, который спас «Apple», когда никто уже не верил, что это возможно. Поэтому люди и скрежещут зубами от злости. И это замечательно.

Ларри хорошо знает, что такое ненависть окружающих. Люди считают его сверхзаносчивым нуворишем с налетом нарциссизма. И это нетрудно понять, если учесть его гигантские яхты, выигрывавшие кубки мира, самолеты и японский дворец. К тому же он слишком увлекается пластической хирургией. Не так сильно, как та леди, которая уже напоминает гигантскую кошку, но все же слишком. Ларри уже приобрел некую зависимость от этого процесса. У него было две подтяжки лица, а уж сколько раз ему корректировали глаза, никто и сосчитать не может.

Но несмотря на все это, мы с Ларри живем душа в душу. Пожалуй, он ближе всех стоит к

тому, что я называю другом. Во-первых, мы с ним оба сироты. В нас живут сиротские гены, которые говорят: «И ты способен меня бросить? Ладно, я заставлю тебя обратить на себя внимание. Ты еще пожалеешь, что отвернулся от меня».

— Вот тебе мой совет, и поступай с ним, как хочешь, — говорит Ларри. — Вспомни, что говорил твой Сунь-цзы: «Избегай противоборства с сильным соперником. Лучше побеждать без боя». Ладно, пошли обедать.

Чайный домик Ларри расположен на острове в центре пруда и представляет собой точную копию чайного домика семнадцатого века Сёкинтай в Киото, но только слегка превосходит оригинал по размерам. На полу лежат циновки, в рамы вставлена полупрозрачная бумага, стены раздвигаются, открывая вид на пруд. Привезенные Ларри из Японии гейши провожают нас внутрь, и начинается чайная церемония.

У Ларри она занимает четыре часа. Это полная церемония «ху-ха» с изысканными блюдами и десятью сортами чая, а также с песнями и танцами гейш. После обеда Ларри встает и начинает демонстрировать приемы карате, которые до смерти пугают девушек. Они с визгом выбегают из домика.

К моменту окончания обеда на часах уже пять часов вечера. С подъездной дорожки к дому Ларри вся долина видна, как на ладони. Надвигаются низкие черные тучи, готовые пролиться дождем. С неба падает несколько капель.

— Бедные сукины дети, — говорит Ларри, кивая в сторону автострады 280, до отказа заполненной автомобилями. — Они и не знают, что их ждет.

— Всего лишь гроза.

— Я говорю про эту историю с КЦБ. Помнишь землетрясение 1989 года? Где ты находился прямо перед тем, как тряхнуло по-настоящему?

— Но ведь они пока просто рассылают письма.

— Погоди, пока начнутся первые аресты. Тогда акциям хана. Они потеряют половину цены. Миллиарды долларов испарятся в один миг, словно их и не было. Мы сейчас говорим не о богатых проходимцах, которые откупятся штрафами. Мне жалко вон тех бедолаг на дороге, у которых пропадут все пенсионные накопления и сбережения. А потом начнутся массовые увольнения. Это плохо, Джобсо. Все это меня здорово пугает. Никто в долине не выйдет сухим из воды. Похоже на войну с терроризмом, только в роли террористов выступаем мы сами.

— Ларри, я тебя люблю, но мне кажется, что ты все излишне драматизируешь.

Он берет меня за плечо и серьезно смотрит прямо в глаза.

— Послушай меня. Не задирайся с этими парнями. Не вступай с ними в драку. Постарайся все уладить. Неважно, сколько денег они запросят, — заплати и продолжай работать. Подпиши любое признание, сделай все, что они хотят.

Том Боудитч получил место в совете директоров за то, что десять лет назад, когда мы находились при последнем издыхании, он купил громадный пакет наших акций и сам изъявил желание войти в правление. Ему семьдесят три года, и большую часть своей карьеры он посвятил рейдерству.^[2] Он заносчив, колюч, и его практически все ненавидят, особенно члены правления «Apple». Помимо всего прочего, телосложением он напоминает ученика восьмого класса, в связи с чем за глаза мы называем его недомерком. Его иссиня черные волосы гладко зачесаны назад, и от него пахнет лосьоном после бритья «Олд спайс». Он окончил Йельский университет и не упускает случая напомнить об этом. Много лет назад Боудитч был заместителем чего-то там в ЦРУ, и у него сохранились связи со множеством теневых фигур в Вашингтоне. Живет он в Лас-Вегасе в пентхаусе на крыше казино и летает на самолете «Gulfstream IV», который, конечно, не так хорош, как мой «Gulfstream V», но все еще красив.

Иметь Тома в составе правления — это то же самое, что быть владельцем ротвейлера. Он служит нам прекрасной защитой, но никто не знает, когда ему надоест гоняться за мячиком и возникнет желание наброситься на хозяина. Вообще-то Том способен напугать меня чуть ли не до усрачки. Особенно когда он орет на меня, как сейчас, перед лицом всех руководителей и директоров:

— Да господи ж ты боже мой, мать твою богородицу! Слушай, мальш, стоит мне только повернуться к тебе задницей, как ты умудряешься засунуть свой хренов отросток в мясорубку, а мне приходится лететь сломя голову, чтобы вытаскивать то, что осталось. Знаешь, на кого ты похож? На этого долбаного Человека Дождя. Смотрел когда-нибудь такой фильм? Там показывают одного тормознутаго придурка, который тоже гений. Вот это как раз ты и есть. У тебя куча всяких талантов. Но чтоб я подавился своим дерьмом, если ты не такой же чертов debil, как и он. Ты это понимаешь?

Я не шучу. Именно так Том и изъясняется. Что еще хуже, он брызжет слюной, когда кричит, а изо рта у него воняет, как из бочки, стоящей на нижней полке морга.

Сейчас воскресное утро, и Том ведет заседание совета директоров. Он прилетел из Лас-Вегаса в черном атласном дорожном костюме. Похоже, у него их штук пятьдесят плюс еще столько же синих. Он их шил на заказ у какого-то знаменитого закройщика в Гонконге.

— Леди и джентльмены, — говорит Том, — позвольте представить вам нашего врага.

Он нажимает кнопку на проекторе «Apple» — отличный малоформатный аппарат со сглаженными краями, — и на экране моментально появляется фотография.

Это мужчина с широким лицом ирландского типа, редкими волосами, полным отсутствием шеи и идиотским взглядом.

— Перед вами Фрэнсис Дойл, прокурор Северной Калифорнии. И он собирается упрятать всех нас за решетку. — Том делает небольшую паузу, чтобы до всех дошел смысл сказанного. Все пялятся на экран, на эту тупую ирландскую физиономию.

— А вот его главный помощник, — продолжает Том, когда на экране появляется фотография какого-то азиатского дебила, которому дурацкий костюм и детские очки придают вид четырнадцатилетнего подростка. — Уильям Пук. Именно так — Пук, то есть тот звук, который предшествует воню. Пусть его вид не вводит вас в заблуждение. Это настоящий хищник. С отличием окончил юридический факультет в Гарварде, служил клерком в Верховном суде и занимал большой таб на «Apple», когда батарейка в его iPod

вышла из строя через десять месяцев, а вы, безмозглая банда, отказались заменить ее по гарантии.

— Наши батареи в iPod служат в среднем дольше, чем в любых других плеерах, — вставляю я.

— Я просто говорю, — продолжает Том, — что этот парень опасен. Его нельзя недооценивать. И ни при каких условиях не веселитесь по поводу его фамилии, если не хотите, чтобы он совсем озверел. А он способен войти в раж. В Гарварде он набрался всякого дерьма. Ну, с этим мы покончили. Теперь перейдем к другим плохим парням.

На экране сменяются изображения каких-то дохляков в серых костюмах. Это юристы из КЦБ. Из слов Тома можно сделать вывод, что это безмозглые, безымянные и полностью взаимозаменяемые бюрократы вроде агентов из «Матрицы». Они собираются проверить нашу финансовую отчетность и найти там ошибки. Скорее всего, они их найдут, потому что до сих пор это им всегда удавалось, и нам придется платить штраф, а потом на нас посыплются иски акционеров. Обычная история, ничего страшного. Самая главная проблема, по словам Тома, — это Дойл. Дойл способен накопать такого, что штрафами уже не отделаешься. Он может засадить нас в кутузку. И ему этого очень хочется.

— Он хочет баллотироваться на пост губернатора, — продолжает Том, — и считает, что может сделать себе имя, если за решеткой окажутся действительно большие шишки.

Идея Тома заключается в том, что мы должны организовать собственное расследование. Это создаст впечатление, что мы воспринимаем проблему очень серьезно и делаем все возможное для ее устранения. Одновременно это позволит нам контролировать ситуацию.

— Мы должны работать с опережением, — говорит он.

Том привлек к этому делу целую команду юристов. Он приглашает их в зал заседаний, чтобы представить нам. Главному у них около шестидесяти лет. У него седые волосы и очень жесткий взгляд голубовато-стальных глаз, как у Пола Ньюмена. Его зовут Чарли Сэмпсон, и он, по словам Тома, является экспертом по всем законодательным вопросам, касающимся ценных бумаг, а в прошлом работал следователем прокуратуры.

— Самое главное то, что он тоже учился в Йельском университете, — говорит Том, — после Гарвардской школы права работал в Верховном суде, а затем пятнадцать лет был следователем, и за это время сумел засадить в тюрьму одного конгрессмена. Другими словами, Чарли знает, как мыслят люди типа Дойла. Это ценный игрок в нашей команде.

Сэмпсон встает и благодарит Тома за теплые слова, а затем сам приступает к презентации, представляя себя и еще трех парней, которые работают вместе с ним. Он рассказывает нам о различных судебных делах, где они помогли некоторым компаниям выпутаться из аналогичных ситуаций. Его ассистенты — чистокровные представители Лиги плюща.^[3] У них дорогие прически и элегантные рубашки. Сэмпсон называет их имена, но я не в состоянии сосредоточиться на них, потому что в это время к моему полнейшему ужасу один из этих молокососов раскрывает ноутбук с установленным на нем «Windows». У нас в «Apple» это равносильно тому, чтобы во время обеда залезть на стол, спустить штаны и наделать в соусницу.

Я смотрю на него в шоке, а он пялится на меня с таким видом, словно хочет сказать: «Ну и что тут такого?». У меня впечатление, что он сознательно меня провоцирует. Глаза у него хитро прищурены. Хочется подойти и оторвать ему башку, но я сдерживаюсь и не говорю ни слова. Я отворачиваюсь и начинаю глубоко дышать через нос и про себя произносить мантры, пока ко мне не возвращается самообладание.

Вновь обретя дар речи, я говорю:

— Том, ты хороший чувак, и я ценю, что ты взял на себя труд привезти этих замечательных юристов и все такое. Но мне все-таки кажется, что эти парни будут сильно отвлекать нас от работы. Да и вообще, чувак, у меня складывается впечатление, что какое-то письмо из КЦБ не заслуживает такой реакции.

— Во-первых, — отвечает Том, — это *очень* серьезно. А во-вторых, не называй меня чуваком. Я уже говорил тебе об этом, и не заставляй меня повторять еще раз.

— Да ладно, чувак. Но вообще-то я не думаю, что если ты проснулся от хруста в суставах, то это серьезный повод для того, чтобы мчаться сюда и устраивать переполох. Но делай, как хочешь. Вы пока продолжайте, а мне надо восстановить внутреннюю гармонию.

Я откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза и делаю вид, что медитирую, как бы говоря всем: «Разбудите меня, когда у вас закончится истерика». Я всегда так делаю, когда люди начинают выходить из себя. Чем сильнее они кипятятся, тем глубже я погружаюсь в дзен. Это доводит их до белого каления. Честно говоря, я уже готов встать и уйти, потому что в воскресенье утром мне меньше всего хочется, чтобы на меня брызгали слюной в моем же собственном зале заседаний, который я любовно спроектировал в память об Уолтере Гропиусе. Теперь этот зал осквернен вонью «Windows». Более того, каждый из присутствующих знает, что по воскресеньям у меня игры по фрисби^[4] в высшей лиге. Это святое. Чтобы выразить свой протест, я сижу в форме команды «Apple» по фрисби — в черных шортах, черных носках, черных кроссовках и черной майке с крохотным логотипом «Apple», который чуть темнее, чем сама майка, и едва заметен. Короче, *классика*.

Свой протест выражает и Ларс Аки, возглавляющий наш дизайнерский департамент. На нем мокрый костюм и небольшие резиновые сапоги, которые должны напоминать всем присутствующим, что в данный момент он должен кататься на водных лыжах за воздушным змеем. Ларс сидит в кресле, разложив перед собой блокнот в кожаном переплете, смотрит в окно, как качаются деревья, и наверняка представляет себе, какой замечательный ветер сегодня в заливе. Его выражение лица становится все более отсутствующим.

Уилл Маккензи, которого я ввел в совет директоров по старой дружбе, вскакивает и заявляет, что полностью согласен со мной и вся эта история с опционами будет слишком сильно отвлекать нас от производства. Еще один дед из правления, фамилии которого я никак не могу запомнить (ему около девяноста лет, и он является владельцем то ли компании по пошиву одежды, то ли сети магазинов, торгующих одеждой, то ли еще чего-то в этом роде), также высказывает свое согласие с Маккензи.

На экранах компьютеров всплывает лицо Эла Гора, который тем временем подключился к видеоконференции с помощью нашей выдающейся программы iChat. Характерно растягивая слова, словно debil, он говорит:

— Послушайте, ребята, если вы не возражаете, я бы хотел немного поговорить о задачах компании «Apple» в свете изменений климата, с которым мы столкнулись в последнее время.

— Предложение отклоняется, — рывкает Том.

— Что, простите? — переспрашивает Гор. — Я не расслышал.

Том отключает Гору звук и поворачивается к Заку Джонсону, единственному члену правления, который еще не высказался. Зак был нашим главным финансистом в то время, когда заварилась вся эта каша. Он уволился в прошлом году, чтобы возглавить какой-то хедж-фонд, но я оставил его в совете директоров, потому что он всегда делает то, что я

говоря.

— Зак, — обращается к нему Том, — я ожидаю вашего активного участия в этом деле и полного сотрудничества с Полом Дузеном. Предоставьте ему любую информацию, которая потребуется. А вас, Соня, я прошу обеспечить необходимую поддержку Чарли и его команде.

И тут Соня взрывает свою бомбу:

— Кстати, — говорит она, вставая, — поскольку компания не выполнила моих рекомендаций и решила затребовать помощь извне, я объявляю о своем увольнении. Причем незамедлительно.

Она выкладывает на стол заявление. Том сидит, уставившись на него.

— Но вы же не можете вот так уволиться посреди расследования, — говорит он.

Соня даже не удостоивает его ответом. Она смотрит на Сэмпсона и говорит:

— Если вам от меня что-то понадобится, свяжитесь с моим адвокатом.

— Какого черта вы наняли адвоката? — кричит Том. Похоже, у него сейчас дым из ушей повалит. — Что вы вообще себе воображаете? А ну-ка, сядьте на место. Вы меня слышите?

Соня выходит из зала. После окончания заседания я направляюсь к двери, надеясь все-таки успеть к окончанию матча, но Том больно хватает меня за руку и говорит:

— Задержись. Мне надо с тобой поговорить.

— Малыш, — говорит он вполголоса, — мы сейчас вдвоем. Кроме нас, никого здесь нет. Я хочу, чтобы ты сказал мне правду. В людях порой просыпается жадность. Это бывает. Такова уж людская натура. Эти ребята — Чарли Сэмпсон и его команда — хорошие специалисты. Если есть какая-то загвоздка, они ее найдут. Поэтому скажи мне: они действительно могут что-то найти?

Мы стоим вдвоем в конференц-зале. Дверь закрыта. Он подходит вплотную ко мне. Я чувствую запах лосьона «Олд спайс», и меня начинает слегка подташнивать.

— Наша компания, — отвечаю я, — работает в соответствии с высокими стандартами порядочности, честности и прозрачности. Это наши принципы с самого первого дня.

— Господи, все оказывается еще хуже, чем я думал. Черт возьми. — Он залпом допивает остатки кофе. — Малыш, ты понимаешь, что это значит, когда твой главный юрисконсульт увольняется и нанимает себе адвоката?

Я ставлю Тома в известность, что пару дней назад я приказал Соне написать заявление на увольнение, поэтому она, возможно, всего лишь выполняет мое указание.

Он издает какой-то средний звук между стоном и вздохом и говорит, что навел кое-какие справки и выяснил, что на самом деле расследованием руководят люди куда выше Дойла. Все нити тянутся в Вашингтон.

— Здесь замешана самая верхушка, — объясняет он. — Эти люди хотят видеть твою голову на плахе.

Я интересуюсь, о каких людях он говорит. В ответ он заявляет, что хочет тоже задать мне пару вопросов:

а) Какую партию я усиленно поддерживаю каждые четыре года во время президентских выборов?

б) Какая партия в действительности победила на двух последних выборах?

Вот это уже яснее. Фашисты в Вашингтоне ненавидят меня, потому что я суперлевый либеральный демократ. Они просто из себя выходят, потому что мы здесь, в Силиконовой долине, в отличие от крупных нефтяных компаний, умудряемся зарабатывать кучу денег, не прибегая к жестокой эксплуатации работников.

— Вся проблема в том, — говорит Том, — что ты показал слабинку. Понимаешь? Они тебя ненавидят, а ты дал им возможность напасть на тебя. Это примерно то же самое, что у Клинтона с его оральным сексом.

— Да не пользовался я никаким оральным сексом.

— Это я так образно говорю.

Том начинает мне рассказывать, что человек, находящийся на виду у всех, должен вести себя, как примерный бойскаут. Это касается не только секса, но и личных доходов, и финансовой отчетности. Он говорит, что одно дело быть высокооплачиваемым руководителем фирмы и совсем другое — фальсифицировать счета, чтобы получить немного больше, чем тебе причитается.

— Там где я вырос, — говорит он, — есть такая присказка: «Поросят откармливают, а свиней гонят на бойню».

— Послушай, чувак, я вырос в Калифорнии, а не на какой-то гребаной свиноферме.

Он снова хрипло вздыхает и направляется к двери.

— Я буду на связи, — бросает он мне через плечо.

Но в жизни есть и прекрасные стороны. Я как раз успеваю к концу матча и мы вдребезги разносим недоумков из AMD.

Люди часто спрашивают, как я отношусь к наркотикам. Моя позиция по этому вопросу несколько противоречива. Я люблю наркотики. Я думаю, они приносят пользу. Ну, естественно, не героин. И не кокаин или какой-нибудь там крэк или прочая синтетическая дребедень. А вот мягкие наркотики типа марихуаны или гашиша, всякие там психоделики вроде ЛСД или мескалина имеют большое преимущество как на индивидуальном, так и на общекультурном уровне. По правде говоря, я полагаю, что марихуана положила конец вьетнамской войне. В моей жизни наркотики играют огромную роль. Они не только помогают расслабиться и улучшить настроение, но и способствуют раскрытию творческого начала, позволяя увидеть вещи по-новому. Почти с полной гарантией я могу утверждать, что без марихуаны никогда бы не удалось создать компьютер «Apple», да и «Macintosh» тоже.

Я думаю, что проблема началась с Нэнси Рейган и ее кампании «Просто скажи „нет“». Это был еще тот идиотизм. Но программа сработала. Им удалось отпугнуть от наркотиков целое поколение. Вы бы видели тех юнцов, которые приходят к нам в «Apple» на собеседование. Его спрашиваешь, пробовал ли он когда-нибудь ЛСД, а он смотрит на тебя так, будто ты задал ему вопрос, сколько раз он трахался с инопланетянами. Этот страх перед наркотиками стал причиной появления целого поколения конформистов. Посмотрите на все эти новые компании в заливе, которые называют себя высокотехнологичными. Одному Богу известно, чем они там занимаются, но это все пережевывание старых тем. Да к тому же они носят названия типа «Zizzl», или «Drizzl», или «Dazzl», так что их не отличить друг от друга. Неужели эти ребята не могут придумать чего-то пооригинальнее? Видимо, нет. Я думаю, все дело в том, что они никогда не употребляли психоделиков.

Спасибо тебе, Нэнси Рейган. Спасибо всем фанатам движения за христианские права. Вы погубили целое поколение. Эти дети выросли в семьях, где родители боятся выпускать их на улицу и не разрешают гулять без присмотра. А потом они взялись за школу и начали кампанию против СПИДа. Я понимаю, что надо научить детей трахаться без опаски, но давайте взглянем правде в глаза: ведь на самом деле они пытаются внушить детям страх перед сексом как таковым. И все это срабатывает, причем очень эффективно. Дети запуганы. Они боятся наркотиков, секса и друг друга.

Вы извините меня, детишки, но в действительности несколько ночей, проведенных в постели с совершенно незнакомыми людьми, или полная отключка мозгов с помощью чистейшего ЛСД — это самое лучшее, что у вас может быть в жизни. Забудьте о своем желании устроиться на работу в «Google» или накопить деньги для открытия какой-то фирмочки. Найдите лучше себе хорошую травку, забейте косячок и поймите кайф, а тогда уже и начинайте поиски великой идеи по созданию собственной компании.

Я так долго все это рассказываю, чтобы вы поняли, что вернувшись домой с матча по фрисби, я первым делом поднимаюсь к себе в кабинет, ставлю диск Леонарда Коэна и поджигаю в чаше красноватые шишки. Это спелый натуральный продукт в стиле 1970-х годов, а не какая-то вызывающая паранойю хреновина, выращенная на гидропонике, от которой только хочется залезть под кровать и спрятаться. Их специально выращивает для меня один кореш в Орегоне, который умеет контролировать нужное содержание ТГК. ^[5] Действительно отличная штука.

Я уже чувствую, как на меня начинает накатывать, но в это время звонит телефон. Это Ларри Эллисон, который прокутил меня, включив телевизор. Телевизор — это мягко сказано.

У меня стоит невероятно огромный плазменный экран со сверхвысоким разрешением, который будет хитом на рынке в ближайшие два года.

В новостях CNN показывают, как федеральные агенты выводят нашего друга Джеффа Эрнандеса в наручниках из собственного дома в Вудсайте. Вся эта сцена снята на камеру с вертолета. Я не могу поверить своим глазам. Ведь Джефф — глава компании «Braid Network». У него жена и четверо детей. Он регулярно посещает церковь.

Репортер «Fox News» рассказывает, что Джеффа обвиняют в двенадцати эпизодах мошенничества.

— Они уже обложили и некоторых других, — говорит Ларри, — его главного финансиста, юрисконсульта и пару членов правления. Все обвинения основаны на анализе финансовых документов. Там обнаружены ошибки отчетности. Слушай, приятель, это хуже, чем я предполагал. Попахивает большим дерьмом.

Когда он вешает трубку, я выключаю телевизор, выхожу во двор и пытаюсь проделать несколько упражнений тай-чи, но у меня трясутся ноги, и я не могу удержать позу.

Итак, мне страшно. Я знаю, о чем вы думаете, но дело совсем не в том, что в камере меня поимеют в задницу. Конечно, я не отношусь к любителям таких острых ощущений, но подобные вещи, на мой взгляд, случаются обычно в исправительных заведениях, где сидят всякие цветные отбросы общества. У меня нет предубеждений против каких-либо этнических или социоэкономических групп, потому что я истинно верующий буддист, а не расист и не фанатик какого-то другого толка. Но давайте взглянем правде в глаза: если вы посадите в тюрьму кучу белых бизнесменов, они не будут трахать друг друга в задницу. Они подождут, пока выйдут на свободу, и будут проделывать это друг с другом, как всегда, метафорически.

Что меня действительно пугает, так это то, что меня вышвырнут из моей же компании. Такое со мной уже случалось в восьмидесятые годы. «Apple» попал в полосу неудач, и все грехи свалили на меня. Когда меня уволили, я чуть не умер. В буквальном смысле слова.

Мой психотерапевт уверяет, что это следствие моего сиротского детства. Мол, тот факт, что мать отказалась от меня, нанес мне душевную травму.

«У вас в душе образовалась рана, — говорит он, — огромная пропасть, которую вам никогда не заполнить, как бы вы ни старались. У вас есть потребность доказать своей матери, что она совершила ошибку, отказавшись от вас. Поэтому вы работаете, и работаете, и работаете. Вы никогда не останавливаетесь. Но чего бы вы ни достигли, этого не хватит, чтобы заполнить пропасть. В то же время вы не в состоянии остановиться. Ведь вам кажется, что в этом случае вы умрете. Просто прекратите существовать. Вы станете никем. Вы снова превратитесь в того маленького мальчика, который прятался под кроватью, узнав, что он неродной сын. Вам захочется снова стать невидимым. Если вы потеряете работу, то в выигрыше будет ваша мать, а вы проиграете. Окажется, что она была права, отказавшись от вас в роддоме».

Я думаю, что за двести пятьдесят долларов в час этот хмырь мог бы относиться ко мне и поделikatнее. Но в общем он прав. Именно это я и чувствую. Мне кажется, что я умру, и это меня пугает.

Да, в прошлый раз, когда компания меня уволила, я выжил. Но на этот раз у меня такой уверенности нет. Мне уже пятьдесят один год. У меня был рак, и я уже не тот, что прежде.

Ведь даже в прошлый раз я чуть было не умер. Мне было тридцать лет, и я жил один в своем коттедже в Вудсайте, где не было никакой мебели, кроме громадной стереосистемы и

подушек на полу. Я месяцами совершенно ничего не делал, только накачивался каждый день ЛСД. В тот раз я установил рекорд по продолжительности приема — четырнадцать дней подряд. И поверьте, это изменило мою жизнь. Я прошел через все восемь стадий, описываемых в психологии, — злость, отрицание, опять злость, потом еще больше злости, потом ярость, мстительность, еще больше злости и, наконец, отмщение.

Именно в тот момент, когда я решил отомстить этим жополизам, которые вышвырнули меня из компании, и началось мое исцеление. Я переманил к себе лучших инженеров из «Apple» и основал новую компанию «NeXT», поставив перед собой цель создать самый совершенный компьютер в мире. И мы его сделали. Правда, была одна проблема: эта машина стоила десять тысяч баксов. Но когда «Apple» пошел без меня ко дну и совет директоров начал умолять меня вернуться, я захватил с собой все программное обеспечение из «NeXT». Оно стало основой нашего нового компьютера «Macintosh», который спас компанию.

С тех пор я одарил мир еще многими замечательными устройствами и программами, которые заново пробуждают в людях детское ощущение чуда. Я изобрел iPod во всех его реинкарнациях и музыкальный магазин iTunes. Я создал музыкальную систему hi-fi и устройство, чтобы крутить кинофильмы по телевизору. Скоро я выпущу на рынок самый совершенный телефон из всех, какие когда-либо создавались.

А что случится с миром, если Джобс вдруг выйдет из игры? Могу дать подсказку: «Microsoft». И это очень пугающая перспектива.

В полночь раздается звонок телефона. Это снова Ларри, и по его голосу слышно, что он напуган еще больше, чем я. Он рассказывает, что забрали шестерых руководителей фирмы «Braid» и еще двух членов совета директоров — Барри Лангера из компании «Greylock» и Питера Майкелсона из «Menlo».

— Ну, с этими-то двумя все ясно, — говорит Ларри. — Первостатейные сволочи.

Он отвлекается на секунду, чтобы сделать затяжку из кальяна. У Ларри потрясающая коллекция кальянов. Он покупает их через интернет. Один из них был изготовлен еще в 1960-е годы и, по слухам, принадлежал самому Джерри Гарсии.

— Так вот я и подумал, что надо бы как-то отвлечься, — говорит Ларри и начинает по-идиотски хихикать. Это верный признак, что его уже разобрало. — Ты как, готов? Тогда я скажу тебе только два слова: *крысиный патруль*.

— Да брось ты, — вздыхаю я. — Мне работать надо.

Это, конечно, ложь. На самом деле я уже в тысячный раз перечитываю «Сиддхарту».

— Стив, я серьезно. Давай оттянемся.

Крысиный патруль — это такая игра, когда мы среди ночи едем на «Хаммере» Ларри в город и курсируем там по злачным кварталам в вязаных шапках с прорезями для глаз и камуфляжных костюмах, стреляя по педикам. За каждое попадание даются очки плюс бонусы, если мы подпустим их как можно ближе к «Хаммеру», прежде чем выскочим и откроем огонь. Мы уже проделывали это много раз, и, должен сознаться, это действительно смешно, особенно когда педик наложит себе в штаны и удирает с криком и руганью. Ларри обычно целится в голову, стараясь сбить парик.

Мы научились этой игре у Арнольда, ^[6] который и изобрел ее вместе с Чарли Шином и еще парой ребят из Лос-Анджелеса. У них она называется «коммандос». Но мы с самого начала стали называть ее «крысиный патруль», потому что обычно ведем огонь через задние двери «Хаммера», как пулеметчик в старинном боевике — «Крысиный патруль».

Как-то раз Арнольд заехал к нам в долину, навещая Т. Дж. Роджерса, и они прихватили нас с собой на охоту. Арнольд использует не водяную пушку, а краску, но я, честно говоря, считаю, что это немного жестоко, потому что шарики с краской при попадании причиняют довольно сильную боль. Водяная пушка намного гуманнее.

Арнольд сказал, что у нас полный карт-бланш, и даже если нас арестуют, он гарантирует, что вытащит нас из тюрьмы. И в этом весь Арнольд. Ларри говорит: «Да, он, конечно, республиканец, но не совсем *настоящий*».

— Так ты согласен или не согласен? — спрашивает Ларри.

Я только вздыхаю в ответ.

— Послушай, парень, — говорит он, — меня начинает беспокоить твое состояние.

И меня внезапно охватывает странное и необъяснимое желание заплакать. Возможно, это от шишек. Они иногда настраивают меня на слезливый лад. К тому времени, когда мы вешаем трубки, у меня уже полные глаза слез. Я встаю и смотрюсь в зеркало. Это одно из моих самых любимых занятий. Зеркала у меня висят повсюду. Я смотрю на себя и думаю: «Джобсо, чувак, да что с тобой такое, черт подери? Вспомни, кто ты. Возьми себя в руки».

Я иду в кухню и звоню экономке Бризиэнн, которая сейчас находится в доме своего друга. Я бужу ее, прошу прийти и приготовить мне фруктовый коктейль из манго. Но и это не поднимает мне настроение.

И от этого становится по-настоящему страшно, потому что если даже манго не помогает, то дела совсем плохи.

В воскресенье вечером мне опять снится сон, который я уже видел много раз, будто мне вручают Нобелевскую премию. Но на этот раз сон немного отличается от прежних. После вручения премии я вдруг оказываюсь на улице в набедренной повязке и тащу крест. Люди вокруг улюлюкают и плюют в меня. А потом я вижу себя уже на кресте, а рядом со мной Билл Гейтс, которого тоже распяли. «Ну, с тобой-то мне все ясно, — говорю я, — а меня за что?» Гейтс смеется и отвечает: «Тебя распяли потому, что все свои самые лучшие идеи ты украл у меня».

Я с криком просыпаюсь. За окном уже светает.

Вот такая у меня жизнь, полная стрессов. Нелегко управлять любой компанией, но задача намного осложняется, когда ваша работа связана с творчеством. В моем бизнесе надо постоянно думать о том, что будет дальше. Мы выпускаем на рынок один продукт, но при этом надо держать в загашнике уже пять следующих. А каждый продукт — это целая война. Раньше я думал, что когда стану старше, то работать будет легче. Ничего подобного, с каждым днем все труднее. И это касается всех творческих личностей. Взять хотя бы Пикассо или Хемингуэя. Кого-то из них однажды спросили, стало ли ему с возрастом легче писать картины или романы. Ведь он написал их уже так много. Я не помню, кто из них это был, но он ответил: «Нет. Каждое новое произведение — это борьба». А потом Хемингуэй кончил тем, что сунул себе в рот ствол револьвера, а Пикассо, по-моему, погиб на корриде.^[7] Это настолько крутое зрелище, что его стоило бы объявить вне закона.

Каждый день, придя на работу, я пытаюсь создать нечто магическое, а вместо этого приходится тратить все время на то, чтобы тушить пожары и противостоять потоку дерьма. Каждый день происходят какие-то события, отвлекающие меня от работы. Миллион людей пытается добиться встречи со мной или высказать мне свои претензии по телефону. Мой электронный почтовый ящик распирает от миллионов сообщений. На меня насаждает «Гринпис», потому что наши компьютеры не превращаются автоматически в компост, отслужив свое. Какая-то Еврокомиссия высказывает недовольство из-за того, что iTunes и iPod сконструированы на принципах полной взаимной совместимости. «Microsoft» — этот бич нашего мира — уже тридцать лет не дает мне покоя, копируя все, что я делаю.

С другой стороны, необходимо признать, что моя жизнь во многих отношениях весьма увлекательна. Благодаря долгим годам физических упражнений и строгим диетам в свои пятьдесят с небольшим я нахожусь в прекрасной физической кондиции. Кроме того, я талантливый гипнотизер, способный влиять как на отдельных людей, так и на целые группы, например на тех, кто приходит в «Apple» на пресс-конференции или другие мероприятия. Моя гипнотическая мощь так велика, что иногда мне приходится прилагать сознательные усилия, чтобы немного ее приглушить. Например, когда я захожу в кафе на бульваре Стивена Крика в Купертино, то девушки, которые там работают, начинают со мной заигрывать. Я уверен, что они знают, кто я такой, и страшно нервничают, словно встретились с Брэдом Питтом или Томом Крузом. А потом глаза у них вдруг становятся стеклянными, и я знаю, что стоит мне щелкнуть пальцами, как любая из них тут же даст мне рядом с кофеваркой. Или где-нибудь в подсобке. Это, пожалуй, удобнее и не так бросается в глаза. Я, конечно, этого не делаю, но очень приятно сознавать, что мог бы.

Что касается карьеры, то тут мне повезло дважды. Кроме компании, производящей компьютеры, я руковожу еще кинокомпанией. Возможно, вы слышали о ней. Она называется

«Disney». Да, *та самая* «Disney». Перед ней у меня была другая кинокомпания «Pixar». Мы выпустили несколько фильмов, о которых вы, вероятно, тоже слышали, например «История игрушек» или «В поисках Немо». Я купил «Pixar» за десять миллионов долларов, а продал компании «Disney» за семь с половиной миллиардов. Неплохой навар.

И это подводит меня к следующему пункту. Денежные дела. Когда-то у меня выработался настоящий комплекс по отношению к деньгам. Но, к счастью, моя духовность и занятия дзен-буддизмом помогают мне справляться с чувством вины. Переломным моментом стал тот день, когда размер моего состояния перешагнул отметку в миллиард долларов. Это большое дело, можете спросить у любого, кто этого достиг. Восторгу нет предела, потому что, начиная с этого момента, уже не надо притворяться, что ты самый обычный человек. Теперь ты уже миллиардер.

Это похоже на один из тех кинофильмов, где герой вдруг обнаруживает, что обладает телекинетическими способностями. Помню, как я стоял голый перед зеркалом в своем рабочем кабинете в компании «Apple» и смотрел на себя. Такое со мной бывает. Я изучаю свое тело. Раз в месяц я фотографируюсь и сохраняю эти изображения в электронном альбоме, который создал меньше чем за минуту, воспользовавшись программой iPhoto. Итак, в день, когда я стал миллиардером, я стоял перед зеркалом и только повторял: «Стив миллиардер, Стив миллиардер». *Миллиардер*. Это слово можно повторять снова и снова, прислушиваясь к каждому его звуку.

Когда становишься миллиардером, то сначала ощущаешь ликование и восторг, а потом приходит чувство вины. Вот здесь мне и помог дзен. Я медитировал и заставлял себя не думать о своем богатстве. Я сидел, напевая мантры, а затем открыл глаза, вышел из транса и изо всех сил крикнул в лицо своему воображаемому критику, который упрекал меня за то, что имею так много денег: «Заткнись, засранец, потому что я *умнее* тебя, *лучше* тебя. Я *изменяю мир* и *заслужил* это».

Это был поразительный момент абсолютного смирения и самоотрицания. А два дня спустя я проснулся и изобрел концепцию iPod. Это подлинная история.

Я смотрю на это следующим образом: нельзя приписывать мне все заслуги в том, что я так богат. Но и обвинять меня в этом не надо. На это можно посмотреть и по-другому. На следующий день я слушал симфонию Моцарта, написанную им в девятилетнем возрасте, и подумал: «Черт возьми, как это получается? Почему на свет появляются такие люди, как Моцарт? С одной стороны, все ясно: музыкальный гений обусловлен генетически. Подобное, по всей видимости, должно случаться регулярно. Но в данном случае этот гений проявился в Австрии, в Зальцбурге, в восемнадцатом веке — в самом плодородном музыкальном окружении всех времен. А отец Моцарта был вдобавок учителем музыки. Все в точку».

То же самое можно сказать и обо мне. Я родился в Сан-Франциско в 1955 году у двух студентов-выпускников, которые отказались от меня и отдали на усыновление. Я оказался в скромной приемной семье в сонном городишке Маунтин-Вью, штат Калифорния, который, по счастью, оказался в самом сердце Силиконовой долины. Возможно, это чистая случайность, простое следствие естественного отбора. Но у меня возникает впечатление, что какая-то невидимая рука судьбы управляет нашими жизнями. Ведь представьте себе, что я мог бы родиться в другом веке, в другом месте. Например, я мог бы появиться на свет в какой-нибудь глухой деревне Китая. Или представьте себе, что мои биологические родители не стали бы отдавать меня на усыновление. Допустим, мать решила бы оставить меня, и я

вырос бы в Беркли, в семье очкастых интеллектуалов. Вместо того чтобы подрабатывать летом в компании «Hewlett-Packard» и общаться со Стивом Возняком, я бы провел молодые годы, просиживая в кафе, читая Сартра и Камю и пописывая убогие стишки.

Я считаю, что мое усыновление было неизбежным. Оно должно было состояться. Это похоже на судьбу Моисея, оставленного в младенчестве в тростниках. Если бы этого не было, если бы Моисей остался дома у своей еврейской матери, а не очутился в семье фараона, то не было бы исхода евреев из Египта, и не было бы ни десяти заповедей, ни Пасхи. Изменилась бы вся история. То же самое и со мной. Если бы не счастливая случайность усыновления, то не было бы компьютеров «Apple» и «Macintosh», не было бы ни iMac, ни iPod, ни iTunes.

Я представляю себе, как это звучит. Можно подумать, что я самовлюбленный и заносчивый тип. Мне уже не раз говорили, что я эгоист, страдающий к тому же нарциссизмом. И знаете, что я на это отвечаю? Я говорю: «Послушайте, а вы бы не стали эгоистом, если бы проснулись в один прекрасный день и обнаружили, что вы — это я? Безусловно, стали бы».

Конечно, в таком супербогатстве, суперизвестности и супергении есть и свои отрицательные стороны. Всякие идиоты постоянно пытаются кинуть в тебя камень.

В данном случае эти идиоты представляют правительство Соединенных Штатов. Несмотря на все, что я сделал для мира (а может быть, именно из-за этого), они стараются вышвырнуть меня из бизнеса.

В понедельник утром я прибываю на работу и застаю своего помощника Джареда в совершенном смятении.

— Блин, — говорит он, — может, вы их как-нибудь выгоните? Они тут всю карму портят.

— Кто?

— Да вот *эти*, — говорит он, кивая в сторону холла.

Он имеет в виду Сэмпсона и его юристов, разбивших лагерь в конференц-зале «Дэвид Кросби». В административном здании у нас пять конференц-залов, которые носят имена Кросби, Стиллса, Нэша, Янга и Дилана, и нам пришлось отдать юристам один из них. Я тогда еще заявил: «Только не „Дилан“, это имя для меня священо». К тому же я терпеть не могу Дэвида Кросби. Но, что более важно, зал «Кросби» находится дальше всего от моих апартаментов.

— Попробую что-нибудь.

— Попробуйте, потому что житья от них уже совсем никакого нет. Понимаете, они тут все такие в костюмах, подходят ко мне и вежливо спрашивают, где тут мужской туалет или надо ли набирать девятку для выхода в город, а в глазах у них явно читается: «Придурок ты долбаный».

Джаред стоит передо мной босиком в майке с изображением группы «Led Zeppelin» и широких шортах до колен. Вот уже четыре месяца, как он работает моим помощником, и это новый рекорд. Главная причина, почему он здесь так надолго задержался, заключается в том, что он абсолютно боготворит меня. «Apple» его кумир на протяжении всей жизни. Джаред прочел все книги обо мне. Он даже поступил в колледж Рид, но его выгнали оттуда, и он жил в коммуне, а потом поехал в Индию, совсем как я в двадцать пять лет. Он стрижется так же коротко, как я, у него такая же короткая арафатовская бородка, хотя еще и не седая. Он даже носит похожие очки, а иногда одевается в джинсы, черную водолазку и мокасины. Единственная разница в том, что он на пару сантиметров ниже меня.

Я познакомился с ним через одну свою подружку. Ей двадцать лет, она работает в магазине диетического питания в Пало-Альто и постоянно ходит в велосипедном шлеме. Однажды она вдруг решила со мной пофлиртовать и пригласила в Сан-Франциско посмотреть представление, в котором танцует. Это шоу называлось «Легенда в танце» и представляло собой нечто среднее между «Алисой в стране чудес» и «Красной шапочкой». Действие происходило в Ираке, и в нем участвовали громадные куклы Джорджа Буша и Дика Чейни из папье-маше, производившие какие-то неестественные телодвижения под музыку группы «White Stripes». В танце участвовали двенадцать девушек, скакавших по сцене, словно в пляске святого Витта, и выкрикивавших: «Не отдадим кровь за нефть». Я посмотрел шоу до самого конца. Я думал, что с этой девушкой в шлеме мне повезет, но она меня кинула. Что тут сказать? Такое случается с пожилыми людьми. Я был единственным в этой аудитории, кому было за тридцать, и чувствовал себя как персонаж из «Смерти в Венеции».

Потом девушка в шлеме познакомила меня с Джаредом. Раньше она никогда не говорила, что у нее есть парень, ну, да что тут поделаешь. Оказалось, что он ярый фанат «Apple». Когда я, знакомясь, протянул ему руку, он аж заплакал. На следующий день Джаред появился в офисе босиком и заявил, что у нас на выбор только две возможности: либо